

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ (теоретико-методологический аспект)*

Различные трактовки модернизации, т.е. перехода от традиционного к современному обществу, открывают разные возможности в понимании механизмов, движущих сил, временных и пространственных рамок этого процесса. Согласно первому подходу (его можно определить как *эволюционистский*), получившему распространение в классических трудах представителей модернизационной парадигмы, акцент делается на эволюционный и прогрессивный характер модернизации, что предполагает всеобщее стадийное движение от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия в соответствии с универсальными закономерностями преимущественно эндогенного характера. В рамках подобного подхода история страны трактуется как реализация общих закономерностей перехода от традиционного к индустриальному обществу. Такой подход создает предпосылки для сравнения различных вариантов перехода от традиционности к современности, выявления общего и особенного в протекании данных процессов¹. Но модель странового развития в рамках данного подхода оценивается главным образом с точки зрения соответствия некоторому эталону, который обыкновенно воплощается в схеме модернизации стран атлантической цивилизации (Западной Европы и Северной Америки). Диапазон оценок в таком случае располагается между нормальной, либерально-рыночной, модернизацией и различными неудачными отклонениями от эталонного варианта, представляющими тупиковые и имитационные ветви псевдомодернизации.

Второй подход, намеченный еще в ранних работах американского экономического историка А. Гершенкрона, акцентирует внимание на зависимость механизмов модернизации от исторического времени, времени вступления страны в процесс модернизации. Согласно данному подходу, со временем (и в зависимости от места) меняются сами механизмы модернизации, сама модернизация

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 09-01-83112а/У).

подвергается трансформации (соответственно, данный подход можно определить как *трансформационистский*). А. Гершенкрон иллюстрирует данную особенность модернизации на исторических примерах индустриального роста, который иногда осуществляется при отсутствии так называемых необходимых предпосылок, т.е. в условиях незавершенности преобразований аграрного сектора экономики (сохранение архаичной системы землевладения, принудительного труда, низкий уровень развития производительных сил и т.д.), при недостатке прединдустриальных накоплений («первоначального накопления капитала», по терминологии советских историков), как это было в Германии во второй половине XIX в. и в России — в конце XIX — начале XX в. Гершенкрон объяснил эти примеры при помощи концепции «заменителей» (субститутов), суть которой заключается в том, что в ситуациях отсутствия тех или иных предпосылок для индустриального развития их роль переходит к «заменителям»². Второй подход создает основы для видения модернизации как множественного вариативного процесса, разные проекции которого могут рассматриваться конкретно-исторически, как резюме сложных взаимодействий внутренних и внешних факторов.

Сторонники третьего подхода принципиально стоят на позициях исторического плюрализма, несводимости пространственного многообразия к какому-либо магистральному направлению, настаивая на многовекторности и своеобразии модернизаций, протекавших в различных культурно-цивилизационных контекстах и опиравшихся, соответственно, на различные социокультурные традиции (данный подход можно определить как *плюралистический*). Действительно, исторические и современные успехи целого ряда стран незападной цивилизации (Япония, Китай, Южная Корея, Сингапур и т.д.) свидетельствуют в пользу такого более широкого понимания модернизационного подхода, который должен быть чувствительным к историческому опыту не только стран Западной Европы и Северной Америки, но и других частей света. Включение цивилизационно-культурного измерения позволяет выходить за рамки эволюционистской теоретической конструкции и рассматривать модернизационные модели как результаты воздействия матричных цивилизационных структур на ход и характер развития. Применение культурно-цивилизационного подхода позволяет переориентировать изучение модернизации с привычного институционально-экономического уровня на область культуры и

цивилизации, где как раз и могут быть обнаружены ключевые факторы, выступающие в качестве стимулов или барьеров к проведению преобразований, а также обеспечивающие своеобразный облик последних.

Можно предложить еще одну трактовку модернизации. Ее контур намечен в публикациях сторонника цивилизационной парадигмы японского исследователя Ш. Ито³. По мнению последнего, представление об изолированном развитии цивилизаций является мифом. Напротив, настаивает ученый, многие цивилизации развивались оказывая влияние друг на друга. При этом внутренние ритмы цивилизаций подвергались трансформациям под воздействием других цивилизаций. Соответственно, классический цивилизационный подход, который фокусировал внимание исследователей только на внутренние факторы и предлагал видение цивилизационного развития как изолированного, не приемлющего внешних воздействий, явно противоречит реальности, которая демонстрирует постоянное включение внешних импульсов в обеспечение цивилизационной динамики, а также наличие целого перечня трансформаций глобального масштаба, оказавших воздействие буквально на все цивилизационно-культурные массивы («революций», по терминологии автора).

Эти трансформации, по мнению Ш. Ито, должны осуществиться во всех культурных регионах, ранее или позднее, как первичные или вторичные (т.е., как «органические», обусловленные действием эндогенных факторов, или же как «системные», проходящие под воздействием внешних эффектов). В качестве одной из «великих революций» в цивилизационной истории человечества стала научная революция, привнесенная в мир западноевропейским регионом (регионом-пионером в данном случае) в XVII в. Продолжением научной революции во второй половине XVIII в. стала промышленная революция (Великобритания как регион-первопроходец), способствовавшая образованию современного индустриального общества, и информационная революция во второй половине XX в.

То обстоятельство, что в рамках данной теоретической конструкции модернизация (как, вообще, любая «глобальная трансформация») совершается в процессе взаимодействий (своеобразных сплетений, фигураций) между культурно-историческими массивами, сопровождающихся диффузией идей, технологий, организационных моделей, такую трактовку, по отдаленной аналогии с

фигурационной социологией процессов Н. Элиаса⁴, можно назвать *фигурационной*.

В рамках данного, четвертого, подхода взаимодействие между своеобразными цивилизационными мирами (но не самодостаточными и не изолированными друг от друга) создает зону универсальной (или к тому стремящейся) истории, где действует историческая преемственность, эстафетность и «всемирная» история. Наряду с зоной «всемирной истории» сохраняется сфера цивилизационных идентичностей, внутренних ритмов, структурной и содержательной уникальности, неразменности внутреннего опыта цивилизационных массивов. Подобный подход создает основы для поиска различных вариантов устройства гражданского общества в истории.

Важное теоретическое значение для понимания динамики модернизации имеет модель структурно-функциональной дифференциации, получившая детальное обоснование в концепции Н. Смелзера⁵. Последний определяет структурную дифференциацию как процесс, посредством которого «одна социальная роль или организация... дифференцируется в две или более роли или организации, которые функционируют более эффективно в новых исторических условиях»; «новые социальные единицы структурно различны, но в совокупности являются функциональным эквивалентом первоначальной (неразделенной. — *И.П.*) социальной единицы»; т.е., согласно Н. Смелзеру, это переход от многофункциональной ролевой структуры к набору более специализированных структур. Смелзер предлагает рассматривать структурную дифференциацию широко, не ограничивая ее лишь технологической специализацией. По мнению ученого, структурная дифференциация тесно связана с социальным процессом модернизации в целом; данная связь обнаруживает себя в том, что для каждой социальной функции можно подобрать определенный набор структуральных условий, при наличии которых достигается оптимум в ее обслуживании. Таким образом, модель структурной дифференциации позволяет представить модернизацию как процесс приобретения структурной независимости социальными функциями.

Каждое из социальных учреждений (институтов), взявших на себя выполнение какой-либо из функций, прежде реализуемых в рамках традиционной семьи (или общины), создает собственную властную структуру, собственный комплекс поведенческих норм, системы поощрений и наказаний. Каждый институт специализиру-

ется на выполнении одной функции, и в совокупности они выполняют эти функции более качественно, чем это делала прежде семейная структура. Соответственно, считал Н. Смелзер, модернизированное общество характеризуется более высокой производительностью труда, более качественной системой обучения и более совершенной системой социального обеспечения по сравнению с традиционным обществом. В рамках модели структурно-функциональной дифференциации гражданское общество можно рассматривать как институт, специализирующийся на обеспечении условий для выражения интересов, защиты и реализации повседневных потребностей граждан.

Гражданское общество представляет собой независимые и конституционно защищенные общественные организации, группы и ассоциации, которые добровольно создаются рядовыми гражданами. Гражданское общество обеспечивается самоорганизацией населения по социальным групповым интересам и отличается от экономических и политических сфер массовой базой и сравнительно слабой структуризацией. В развитом гражданском обществе индивиды, члены общества, могут добиться изменений или, наоборот, предотвратить нежелательные изменения, действуя через организации, создаваемые инициативно снизу, согласно принципам прямой демократии. Если в экономическом или политическом секторах элиты используют рычаги влияния для увеличения прибыли и усиления своей власти, даже если не действуют в них сами или от имени своих организаций (т.е., если политическое и экономическое общества состоят преимущественно из акторов и институтов, преследующих цели достижения власти или прибыли), то гражданское общество — это сфера действия простых людей, объединенных в группы и ассоциации для выражения своих интересов, защиты и реализации повседневных потребностей. Таким образом, в отличие от политики и бизнеса, организации гражданского общества, хотя они зачастую стремятся к политическому влиянию и постоянно нуждаются в финансовой поддержке, не преследуют в качестве цели власть или прибыль⁶.

Существуют различные трактовки гражданского общества. По мнению Ю. Хабермаса, в новое время в европейских странах наряду с имевшимися тогда государственными формами управления возникают объединения и структуры, призванные опосредовать взаимодействие индивида и государства, но не имеющие непосредственно государственного характера⁷. Со временем значение

подобных структур, суть которых заключается в открытости, гласности, совместной жизнедеятельности людей, возрастает. Предназначение этих общественных структур — постоянно способствовать установлению широких, многомерных связей общения индивидов и их объединений. При этом для Ю. Хабермаса взаимоотношения между гражданским обществом и государством в авторитарных режимах отмечены постоянным соперничеством. Гражданское общество, составленное добровольными объединениями, находящимися вне государства и экономики, действует как противовес власти, основанной на традиции, силе и ритуале, и создает возможность самостоятельного управления для граждан.

Как отмечают специалисты, в современной зарубежной историографии получает распространение подход, согласно которому хотя гражданское общество и государство по определению существуют отдельно и независимо друг от друга, их отношения не следует всегда трактовать как антагонистические⁸. Во-первых, институты гражданского общества действуют, опираясь на государство как гаранта морально-правовых норм, на основе которых функционирует вообще публичная сфера. Во-вторых, сама концепция гражданского общества предполагает сотрудничество с государством и опору на него. В-третьих, новейшие исторические исследования продемонстрировали, что в Западной Европе монархи не только поощряли, но зачастую и целенаправленно создавали гражданское общество, чтобы опекал и покровительствовать научной, благотворительной и культурной деятельности, которая в итоге способствует прогрессу страны и демонстрирует «просвещенность» правителей. В-четвертых, нормой, скорее, следует считать гармонию, а не соперничество между гражданским обществом и государством.

Специфика России обусловила особенности ее модернизации и формирования гражданского общества. Если на Западе модернизация прокладывала себе путь как результат внутреннего развития, на своей собственной базе, то в России, помимо внутреннего, большое значение имел внешний импульс, использование опыта других держав, который навязывался силой авторитарного режима — причем не всегда удачно. Инициатором модернизации выступало государство — наиболее активная и сильная общественная структура. На эпоху Петра I приходится начало становление политического режима, который получил наименование *полицейского государства* (Polizeistaat) — конкретного

варианта абсолютистской монархии раннего периода новой истории. Являясь наследственной монархией, узаконенной рационалистическими законами секуляризованного естественного права и договорной теории, полицейское государство предоставляло самодержцу право заботиться о всеобщем благоденствии, т.е. оберегать и поднимать материальное и духовное благосостояние своего народа всеми законодательными и административными методами, в том числе принуждением⁹. В качестве главных целей модернизации выступали поддержка военно-политического влияния державы и укрепление ее позиций в мире. В.Г.Хорос определяет подобную модель модернизации, утвердившуюся в эпоху Петра I, как имперскую и выделяет ряд характерных для нее черт: 1) выборочное заимствование, преимущественно для укрепления существующей власти и военно-промышленного сектора, создания сильной армии, технических и организационных достижений более развитых стран; при этом многие гражданские отрасли экономики и социальная сфера оставались отсталыми, а политическое правление — автократическим; 2) одновременное ужесточение добуржуазных, архаических методов эксплуатации трудящихся; 3) прогрессирующая централизация и бюрократизация системы управления¹⁰.

После реформ 1860—1870-х гг. начинается новый этап российской модернизации, который условно можно назвать пореформенным. Существенная характеристика имперской модели модернизации — обеспечение военно-промышленного комплекса и сильной армии — сохраняла значение на всем протяжении истории дооктябрьской России. Показательно, что в эпоху буржуазных реформ 1865—1875 гг. на нужды армии в среднем выделялось 29% государственного бюджета; накануне Первой мировой войны Россия по величине военных расходов занимала второе место в мире после Германии, ненамного опережая Великобританию, США и Францию.

После поражения в Крымской войне самодержавие пришло к осознанию необходимости некоторой либерализации общественно-политического и социально-экономического строя страны. Лицо последующего периода (вторая половина XIX — начало XX в.) определяли институциональные преобразования 1860—1870-х гг., стимулировавшие переход от системы принудительного труда к свободному, от административно-мобилизационных методов модернизации к рыночно-капиталистическим.

Буржуазные реформы, в особенности отмена крепостного права, вызвали также оживление общественной жизни, пробудили общественную инициативу. Распространение предприятий фабричного типа, развитие транспорта и торговли превращало производство в дело все более многочисленных групп, что требовало новых условий для автономизации хозяйственной деятельности, децентрализации и распределения процесса принятия решений между многочисленными центрами хозяйственной власти. Ответом на институциональную потребность в организации коммерческих групп для участия в экономической деятельности с одновременным сохранением относительственной свободы от государственного контроля явилось становление публичной корпорации, в частности акционерных компаний (акционерный процесс явился значимым индикатором капиталистической перестройки горнозаводского хозяйства, индустриализации уральской промышленности¹¹). Новым явлением общественной и экономической жизни стало широкое распространение «неприбыльных корпораций» или неделовых предприятий: кооперативов, профсоюзов, благотворительных организаций и т.д.¹²

Вызванное модернизацией и индустриализацией растущее разделение труда в сфере экономики проявилось в создании профессиональных, технических, медицинских обществ, которые, в свою очередь, способствовали повышению профессионализации многих специальностей. Отражением требований профессионализации явилось также появление, преимущественно в начале XX в., множества обществ взаимопомощи и потребительских объединений, организованных по профессиональному принципу¹³.

После революции 1905—1907 гг. существенно расширились возможности интеллигенции и служащих для реализации профессиональной и культурно-просветительской инициативы не только в плане создания обществ, но и проведения легальных всероссийских съездов. Как справедливо отмечает историк Т.А.Андреева, «участие интеллигенции в работе всероссийских съездов давало импульсы к профессиональной консолидации в масштабах всей страны, способствовало устранению провинциальной отчужденности и замкнутости. Энергичное погружение в профессиональные вопросы, выход на социальную проблематику способствовали не только профессиональному совершенствованию, но и росту общественного сознания»¹⁴. Проходили легальные съезды медицинской общественности (под эгидой Пироговского общества), соби-

равшие врачебный персонал государственных, городских, земских учреждений. Свои съезды проводили фабрично-заводские врачи, среднее звено медицинских работников. Созывались все-российские встречи учителей, деятелей народных университетов и народного театра, писателей, торгово-промышленных служащих, деятелей российской кооперации. Являясь продуктом общей либерализации страны, съезды интеллигенции выполняли функцию профессиональной консолидации соответствующих групп населения в рамках всей

Институциональные преобразования 1860–1870-х гг. дали серьезные импульсы социокультурной, политической модернизации в России, постепенной трансформации традиционного «полицейского» государства с присущими ему гипертрофией государственной власти, политической пассивностью общества, специфической психологией, в соответствии с которой все управленческие решения должны быть безусловно монополизированы государственными служащими, а приоритет в сфере права отдан принуждению к послушанию, а не защите прав личности и гражданских прав, в либеральное «правовое» государство, концепция которого признавала паритет общества и государства, взаимоотношения которых призвано регулировать достаточно автономное право, реализуемое профессионалами-специалистами в этой области. Важнейшими компонентами политической модернизации в России являлись: интеграция общественных, небюрократических элементов в систему управления (реформы земств и городского управления; институционализация системы так называемых «смешанных присутствий», куда, наряду с чиновниками, входили представители общества), распределение властных полномочий и ответственности между ними и государственным аппаратом; создание промежуточных между обществом и государством организаций, формирование плюралистического «гражданского общества», «т.е. того пространства, которое существует между индивидом и государством и состоит из частных учреждений, общественных организаций, рынка и сферы свободного выражения идей и отправления вероисповедания»¹⁵.

Исследователи связывают проведение земской реформы с отменой крепостного права. Действительно, освобождение крестьян и ликвидация вотчинного управления и суда, создавшая определенный вакуум в управленческой системе, явились важными предпосылками изменения местного управления. «Положение о губер-

нских и уездных земских учреждениях», излагавшее суть реформы, было утверждено 1 января 1864 г. Земская реформа базировалась на двух основных принципах — бессословности и выборности. Распорядительными органами земств становились земские собрания: губернское в губернии, уездное в уезде. В качестве исполнительных органов создавались земские управы — губернские и уездные, соответственно.

Губернаторам вменялся в обязанность лишь надзор за законностью действий земских органов. Положение 1864 г. обеспечивало относительную самостоятельность и независимость земств, подчинявшихся Сенату, от местной административной власти. Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г. сузило права и компетенцию земств, ограничило избирательные права потенциальных участников земского самоуправления, способствовало усилению сословного начала.

Функции земских учреждений по закону (1864 г., 2-я ст.) ограничивались местными нуждами губернии или уезда: устройство и содержание местных путей сообщения; продовольственное дело, т.е. забота о народном продовольствии; торговля и местные промыслы, сельское хозяйство; страхование имущества; организация почты; народное образование; медицина и ветеринарное дело; «общественное призрение» — попечение об инвалидах, неимущих, вообще о лицах, нуждающихся в общественной помощи, содержание общественно-филантропических учреждений; культовое строительство; устройство мест заключения. Уездные учреждения заведовали земским хозяйством уезда, губернские — вопросами, касавшимися всей губернии.

Земские организации добились немалых успехов в экономической и социокультурной сфере. Так, на Урале основными направлениями экономической деятельности земств стали: — рационализация сельского хозяйства, его подсобных отраслей; распространение агрономических знаний среди крестьянства; — поддержание и развитие кустарной промышленности: мероприятия по совершенствованию техники и технологии производства, устройство кустарно-промышленных выставок; организация дешевого кредита через кустарно-промышленные банки; создание условий для сбыта продукции. В социокультурной сфере земствами было немало сделано для: — развития системы образования (развитие школьной сети; повышение квалификации учителей; предоставление стипендий и пособий для обучения в средних и высших учеб-

ных заведениях; развитие внешкольного образования, просветительские мероприятия — устройство библиотек, народных читален, музеев, выставок; содействие профессиональному образованию); — повышения уровня медицинского обслуживания населения (организация санитарной службы, земской медицины; повышение квалификации фельдшеров, акушеров, проведение съездов врачей; медицинское и санитарное просвещение населения); — расширения сферы социальной помощи и социальной реабилитации обедневших слоев (выплата пособий неимущим; поддержка благотворительных обществ; содержание богаделен и сиротских домов; организация бесплатных дошкольных учреждений)¹⁶.

В целом можно утверждать, что органы местного самоуправления — земские и городские — содействовали развитию промышленности, торговли, коммуникаций в регионах, профессионализации общества, повышению уровня просвещения и культуры. Земская и городская реформы создали предпосылку для увеличения эффективности местного управления, поскольку органы общественного самоуправления обыкновенно лучше разбирались в местных проблемах и могли решать их более качественно. Мобилизуя хозяйственную и общественную инициативу, органы местного самоуправления расширяли социальную базу политического строя, способствовали прогрессивной эволюции авторитарного режима в сторону консенсусного управления, опиравшегося не столько на силу, сколько на поддержку общества.

Пореформенная эпоха в России ознаменовалась созданием сети разнообразных добровольных объединений, постепенно заполнявших пространство между государством и обществом и становившихся своеобразными посредниками между ними, стремившимися достичь взаимоприемлемого согласования интересов (это акционерные общества и банки, сберегательные и ссудные кассы, страховые общества, промышленные, железнодорожные, пароходные, торговые компании, сельскохозяйственные общества, журналы, кооперативы, научные, религиозные, просветительные, культурные, драматические, спортивные общества, общества трезвости, автомобильные, авиационные, велосипедные клубы, профессиональные группы, благотворительные фонды и организации и др.)¹⁷.

Видное место среди этих добровольных объединений занимали представительные организации предпринимателей (биржевые общества и комитеты; торгово-промышленные съезды; съезды горнопромышленников; съезды золото- и платинопромышленников;

съезды марганцепромышленников; съезды нефтепромышленников; съезды металлостроителей; съезды фабрикантов земледельческих машин и орудий; съезды представителей металлообработывающей промышленности; съезды паровозостроительных заводов; съезды русских техников и заводчиков по цементному, бетонному и железобетонному делу; съезды мукомолов, кожевенных заводчиков, винокурных заводчиков, стекольных заводчиков, судовладельцев и т.д.), презентировавшие и лоббировавшие свои корпоративные интересы, а порой и интересы более широких региональных сообществ¹⁸.

Итак, в пореформенный период общество претерпевало существенную трансформацию. Под влиянием модернизации шел медленный процесс перераспределения властных полномочий между государством и общественными объединениями, формировались — возможно, не так быстро, как хотелось бы современникам этих событий — элементы гражданского общества. Общественные организации оказывали положительное воздействие на развитие различных секторов экономики, способствовали рационализации методов хозяйствования, профессионализации различных видов деятельности, распространению научных знаний и культуры в обществе. Нельзя забывать и о их значении как «начальной школы» воспитания гражданской самодеятельности и долга, самоорганизации людей, формирования независимой личности. Однако процессы в общественной и политической сферах, как и в области социально-экономических отношений, имели половинчатый, незавершенный характер.

Примечания:

1 См.: Black C.E. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975; Levy M.J. *Modernization and the Structure of Societies*. Princeton, 1966; Rostow W.W. *The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*. Cambridge, 1960; Lerner D. *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. New York, London, 1965.

2 Данная концепция нашла отражение в работе: Gershenkron A. *Economic backwardness in historical perspective*. Cambridge, Mass., 1962. Также см.: Гершенкрон А. *Экономическая отсталость в исторической перспективе* // *Истоки: Экономика в контексте истории и культуры*. М., 2004. С. 420—447.

3 Ито Ш. *Схема для сравнительного исследования цивилизаций* // *Время мира*. Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 345—354.

4 См.: Элиас Н. *Общество индивидов*. М., 2001; Он же. *О процессе цивилизации*. М.; СПб., 2001. Т. 1—2; Он же. *Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: Социология и история*. М., 2002; также см.: Штомпка П. *Социология социальных изменений*. М., 1996. С. 261—262; Ритцер Дж. *Современные социологические теории*. СПб., 2002. С. 432—445.

5 См.: Smelser N. Toward a Theory of Modernization // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. New York: Basic Books, 1973. P. 268—284; Idem. The Modernization of Social Relations // Modernization. The Dynamics of Growth. N.Y.; L., 1966. P. 110—121.

6 См.: Ховард М.М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М., 2009. С. 51.

7 См.: Флидберг Б. Хабермас и Фуко — теоретики гражданского общества // Социс. 2000. № 2. С. 127—136.

8 См.: Большакова О.В. Власть и политика в России XIX — начала XX века: Американская историография. М., 2008. С. 241—242.

9 См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 269—270; Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia 1600—1800. London; New Haven, 1983. Необходимо признать, что применение к истории России концепта *полицейское государство* требует определенной осторожности, что, в частности, продемонстрировала дискуссия по данному вопросу между М. Раевым и И. де Мадариага.

10 Хорос А.Г. В поисках ключа к прошлому... С. 109. Несмотря на кажущуюся полноту разрыва между петровской и допетровской Россией необходимо признать, что уже в XVII в. зарождались и распространялись многие явления и тенденции (полки иноземного строя, развитие образования и культуры, появление «заводов»), упрочение которых пришлось на следующее столетие. См.: Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985; Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб., 1998. С. 161—166.

11 Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861—1917). М., 1982.

12 См.: Розенберг Н., Бирдцелл Л.Е., мл. Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира. Новосибирск, 1995. С. 196—218

13 См.: Селезнева В.Т. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. Молотов, 1955. С. 67—98; Бугаева С.Я. Техническая интеллигенция в горнозаводской промышленности Урала (пореформенный период). Дисс... канд. ист. наук. М., 1979. С. 101, 117—118; Пирогова Е.П. Научно-краеведческие общества Пермской губернии в пореформенный период. Дисс... канд. ист. наук. Свердловск, 1989. С. 47—48, 179—184, 186, 192—196; Андреева Т.А. Журнал «Уральский техник» о проблемах производственной и социальной жизни технической интеллигенции Урала // Взаимодействие технического и социально-экономического развития в период капитализма (Информационные материалы). Свердловск, 1989. С. 52—54; Красюк А.Е., Лебедева И.В. Становление общественной медицины в Оренбуржье // Исследования и исследователи Оренбургского края XVIII — начала XX вв. Материалы региональной научной конференции, 12—14 мая 1983 г. г.Оренбург. Свердловск, 1983. С. 131—133; Побережников И.В. Общество в контексте модернизации: Урал во второй половине XIX — начале XX вв. // Российская модернизация XIX—XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа: Изд-во «Восточный ун-т», 1997. С. 37—60.

14 Андреева Т.А. Всероссийские легальные съезды интеллигенции начала XX века // Российская интеллигенция: XX век. Тез. докладов и сообщений научной конференции 23—24 февраля 1994 г. Екатеринбург, 1994. С. 12—13.

15 См.: Тарановски Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России 1856—1874. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 301—317; Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77; Кимбэлл Э. Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху Великих реформ. 1859—1863 // Великие реформы... С. 260—282.

16 Красноперов Е.И. Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права. Историко-статистический очерк. Пермь, 1886; Черныш М.И. Развитие капитализма на Урале и пермское земство. Пермь, 1959; Герасимов Г.А., Мирскова О.Н. Деятельность земских агрономических смотрителей в бывшей Пермской губернии по оказанию агрономической помощи крестьянским хозяйствам в

80—90-х годах XIX века // Тр. Пермского с.х. ин-та. Пермь, 1970. Т. 67; Богатырева О.Н. Земское самоуправление в Вятской и Пермской губерниях в пореформенный период (60—90-е гг. XIX в.). Автореф. дисс. ... к.и.н. Екатеринбург, 1996; Гаврилов Д.В. Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце XIX в. (1885—1900 гг.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1995. № 2. С. 81—98.

17 Зорина Л.И. История Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1996; Пирогова Е.П. Научно-краеведческие общества Пермской губернии в пореформенный период. Дисс... канд.ист.наук. Свердловск, 1989; Ольховая Л.В. Из истории рабочих культурно-просветительных организаций на Урале (1905—1914 гг.) // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С. 130—135; Андреева Т.А. Общественные организации средних городских слоев Урала (1906—1914) // Социально-политические институты провинциальной России (XVI — начало XX веков). Челябинск, 1993. С. 36—55; Её же. Культурно-просветительная деятельность уральской интеллигенции между буржуазно-демократическими революциями (1907—1916) // Народное образование на Урале в XVIII — начале XX в. Свердловск, 1990. С. 132—145; Смирнова Н.С. Общественные организации г.Екатеринбурга в начале XX в. // Екатеринбург в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1993. С. 49—53.

18 См.: Лившин Я.И. «Представительные» организации крупной буржуазии в России в конце XIX — начале XX вв. // История СССР. 1959. № 2. С. 95—117; Буранов Ю.А. Съезды уральских горнопромышленников в конце XIX — начале XX вв. // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 268—282; Алеврас Н.Н. Уральская буржуазия: представительная организация и аграрный вопрос. Конец XIX в.— 1913 г. // Проблемы социально-политической истории Урала в XIX — начале XX вв. Челябинск, 1991. С. 94—107; Бочкарев К.Н. Формирование и структура съезда уральских горнопромышленников (1880—1918) // Там же. С. 107—120; Тр. Первого съезда уральских горнозаводчиков. Екатеринбург, 1881; Девиер А.А., Бредов В.Р. Свод постановлений о горнопромышленности. СПб., 1904. Т. 1. С. 176—178, 190—196.